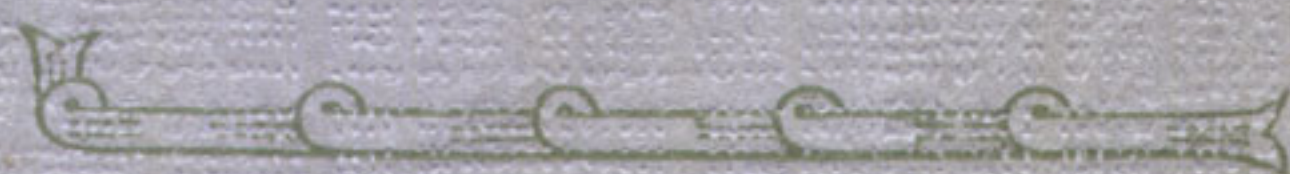

Р
Русская
литература

3

1964

Л Е Н И Н Г Р А Д

ЧЕРТЫ ПОДРАЖАТЕЛЬНОСТИ «ЗАДОНЩИНЫ»

(К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ «ЗАДОНЩИНЫ»
К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

Поэтика подражаний

Вопрос об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» имеет целый ряд аспектов, каждый из которых в той или иной мере может определить первичный характер «Слова» и вторичный «Задонщины».

Отношения обоих памятников друг к другу могут изучаться с различных точек зрения: историко-литературной, историко-культурной, лингвистической (отдельно — лексика, морфология, синтаксис), текстологической. Но есть один аспект этого изучения, который до сих пор не учитывался, — аспект поэтики.

В данной статье меня интересует отношение «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» только с точки зрения поэтики подражаний.

Необходимо условиться, что я в дальнейшем подразумеваю под термином «подражание». Сам по себе этот термин весьма многозначен, объединяет явления разнородные, иногда даже прямо противоположные по своему отношению к произведению, послужившему оригиналом для подражания.¹

Под подражанием в данной статье, поскольку речь в ней будет идти о древнерусских памятниках определенного типа, я имею в виду такое литературное произведение, которое воспроизводит частично или на протяжении всего своего текста форму, стиль, манеру, способы построения образов, а отчасти и самые эти образы, применяя их к *новому* содержанию, к *новому* сюжету, к *новой* теме. Последнее очень важно. Дело в том, что условно можно назвать подражанием и применение старой формы оригинала к близкому содержанию, к однородной теме и сюжету. Так, например, восточные подражатели Гафиза брали не только форму стихов Гафиза, но и их общее содержание, лишь несколько его варьируя. Такие стихи воспринимались как произведение Гафиза же, — они как бы продолжали его творчество. Поэтика этих стихов не отличается, по существу, от поэтики произведений Гафиза, и в этом состоит одна из самых больших трудностей, связанных с атрибуцией его стихов. То же самое относится и к «Хайямаде» — циклам «рубай», написанным неизвестными авторами на темы Омара Хайяма и одновременно подражающим рубай Хайяма по форме. Трудность определения авторства этих стихов та же: они как бы продолжают творчество Хайяма одновременно и по содержанию и по форме.²

¹ Необходима работа, которая классифицировала бы различные типы литературных подражаний, как это, например, сделано в небольшой, но очень содержательной статье польской исследовательницы Стефании Скварчинской в отношении термина «стилизация» (St. Skwarczynska. La stylisation et sa place dans la science de la littérature. Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa, 1961, pp. 53—70).

² См. подробнее: Р. М. Алиев и М. Н. Османов. Омар Хайям. Изд. АН СССР, М., 1959.

Под подражаниями в данной статье я, разумеется, не имею в виду и все типы пародии, литературной иронии, литературного гротеска, бурлеска и т. п.³ Не подходят под интересующий меня тип подражаний и известные пушкинские подражания. Пушкин «строил, — пишет В. В. Виноградов, — *новые литературные формы* (курсив мой, — Д. Л.) на фундаменте самых разнообразных стилей русской и мировой литературы». ⁴ «Стили Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова В. Петрова, Державина, Хвостова; стили Жуковского, Батюшкова, Баратынского, Вяземского, Козлова, Языкова, В. Кюхельбекера, Ден. Давыдова, Дельвига, Гнедича; стили Байрона, Шенье, Горация, Овидия, Вордсворта, Шекспира, Мюссе, Беранже, Данте, Петрарки, Хафиза и других писателей мировой литературы служили ему материалом для *оригинального* (курсив мой, — Д. Л.) творчества». ⁵ «Другими словами: в пушкинских „пародиях“ тот или иной литературный стиль не только отражается и воссоздается со всеми его структурными особенностями, но и получает яркий отпечаток художественного стиля самого Пушкина, его творческой индивидуальности с присущими ей формами миропонимания и мироощущения». ⁶ Следовательно, «подражания» Пушкина лишь условно могут быть отнесены к подражаниям. Кроме того, в них есть и элемент пародии (впрочем, спор идет о том — следует ли и «Подражание Данту» относить к пародиям), а по содержанию своему они представляют собой *вариации* на темы и сюжеты писателей, принятых за оригинал. ⁷ Подражания Пушкина в предельно короткой форме стремятся отразить типические черты содержания и формы оригиналов, но при этом сильно перерабатывают их творчески. По существу, оригинал является для пушкинских подражаний лишь исходным моментом для вполне самостоятельного творчества.

Таким образом, «подражания» Пушкина представляют собой совсем иной тип подражаний, который не имеет отношения к рассматриваемым произведениям — «Слову о полку Игореве» и «Задонщине». В этом мы убедимся в дальнейшем.

Никто и никогда не сомневался в том, что «Задонщина» и «Слово о полку Игореве» настолько близки, что они не могли быть созданы друг без друга. Одно из произведений, хотя бы частично, несомненно подражало другому: слишком близки отдельные образы, выражения, стилистические обороты. И важно, что совпадают не только образы, выражения и обороты, но в ряде случаев и их последовательность. Однако все обсуждавшие до сих пор отношение «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» не обращали внимания на то, что подражание всегда выделяется и отличается от своего оригинала, которому оно следует, рядом общих формальных и структурных черт. Поэтика подражаний мало привлекает к себе внимание исследователей.

Чтобы показать возможности этой темы, несколько забегаю вперед, объясню некоторые особенности художественной структуры подражаний, вытекающие из самой их сущности.

Подражание (того типа, о котором я писал выше) применяет *старую*

³ Вопрос о литературных пародиях очень сложен. Еще Ник. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» (1821, ч. 2) рассматривая пять видов пародии. Естественно, что ироническое цитирование, частичное изменение произведений с приспособлением их к новой тематике, комическое смещение тематики произведений при сохранении их конструктивных особенностей и пр. — особая тема, которая не должна приниматься во внимание при решении вопроса о «серьезной» подражательности «Задонщины».

⁴ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. Гослитиздат, М., 1941, стр. 484.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 484—485.

⁷ См. об этом там же, стр. 487—488.

форму оригинала к *новому* содержанию. При приспособлении старой формы к новому содержанию происходят однородные для всех подражаний явления деформации и упрощения формы, так как в подражании форма не является результатом решения творческих задач, не определяется целиком содержанием, а «накладывается» на содержание как внешняя оболочка, применяется извне, наперед задана.

В самом деле, поскольку старая форма как бы накладывается на новое содержание, связь формы и содержания в подражании не органична. Часто стилистические обороты оригинала механически соединяются в подражании с элементами более привычного его автору стиля. Поэтому подражательное произведение стилистически более или менее неоднородно. Автор подражания использует обычно не все, а только отдельные привлекшие его внимание и запомнившиеся ему элементы формы, значение которых в художественной системе оригинала он не всегда точно понимает и может даже исказить. Отдельные элементы формы, которые не находят себе применения в новом содержании, не переходят в подражание. Сложные образы, особенно тесно связанные с содержанием оригинала, упрощаются, теряют глубину и художественную многозначность.

При переносе элементов формы оригинала в подражание они могут оказаться недостаточно разьединены с содержанием и отдельные несоответствия новому содержанию могут поэтому проникнуть в подражание. Если между подражанием и оригиналом имеется существенный разрыв во времени и форма оригинала уже «устарела» к моменту создания подражания, то в подражание могут проникнуть из оригинала устарелые формы языка, устарелая лексика, различные другие несоответствия художественной и исторической современности подражания.

Подражание, с одной стороны, облегчается, когда в оригинале есть шаблон, штамп, некоторое «окостенение формы»; с другой стороны, подражание само способствует возникновению штампа, превращает в некий шаблон заимствованную форму.

Создавая свое произведение, подражатель часто пользуется готовым набором стилистических приемов, крупными «стилистическими блоками», сохраняет последовательность в расположении стилистических элементов оригинала. При этом часто самое сочетание этих элементов, уместное в оригинале, неуместно в подражании.

Все эти особенности поэтики подражаний, по-разному проявляющиеся в различные эпохи на различных стадиях историко-литературного процесса, помогают выявить подражание, отличить его от оригинала. А. А. Бестужев писал о подражателях: «... как бы сочинитель ни вытерт был подражанием, как бы ни хотел он скрываться умышленно, настоящий цвет его кожи пробьет где-нибудь сквозь заемные белила: где-нибудь он промолвится наречием души. Ловите же его в такие проблески искренности: и с ним вместе вы поймаете целый невод его современников с ракушками и растениями его родины, его поры. Может быть, он вам наговорит с три короба чепухи о том, что было до него и при нем: умейте же из его слов извлечь признание, исповедь, завет того века, того народа».⁸

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношении «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», мы должны отметить прежде всего следующее. При всех отдельных элементах сходства и даже родства обоих произведений мы заметим существенные различия в употреблении этих элементов. При этом признаки подражательности обильны в «Задонщине» и отсутствуют в «Слове о полку Игореве». Как мы увидим в дальнейшем, эти признаки подражательности встречаются и в других произведениях, от-

⁸ Александр Марлинский. Кавказские очерки. «Библиотека для чтения», 1836, т. XVII, стр. 215.

носящихся ко времени создания «Задонщины» и также имеющих элементы подражания; они поэтому не только типичны для подражаний как таковых, но типичны и для своей эпохи.

Обращу внимание на наиболее существенные признаки подражательности «Задонщины». Заранее сделаю оговорку: я буду говорить только о тех чертах подражательности, которые свойственны всем спискам «Задонщины»: как известно, списки «Задонщины» сильно испорчены, изменены писцами, а некоторые представляют собой только отрывки этого произведения.

Стилистическая неоднородность «Задонщины»

В отличие от «Слова о полку Игореве» «Задонщина» стилистически неоднородна. Три стилистических слоя легко могут быть обнаружены во всех ее списках: 1) стилистический слой, близкий к «Слову о полку Игореве» и буквально повторяющий его отдельные элементы; 2) стилистический слой «делопроизводственного» характера, совершенно чуждый «Слову»; 3) слой (он невелик) фольклорный, связанный с позднемосковским фольклором.⁹ Два первых слоя очень характерны для всех списков «Задонщины» и находятся между собой в резком диссонансе. Третий слой близок к первому, и поэтому я ему буду уделять меньшее внимание.

Приведу примеры стилистического диссонанса «Задонщины».

Вступление к «Задонщине» начинается с деловой, летописной информации: «Князь великий Дмитрий Иванович с своим братом с князем Владимиром Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Миклулы Васильевича» (список У).¹⁰ К этому же стилю принадлежит хронологическая справка: «От Калагьския рати до Мамаева побоища лѣтъ 160» (И-1).

Эта деловая конкретизация вторгается и в поэтический стиль, связанный со «Словом»: «О соловей лѣтъня птица, что бы ты, соловей, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всеи и дву братьев Олгердовичев, Ондриен да брат его Дмитрий Олгердовичев, да Дмитрий Волинский. Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полковидцы (так!), под трубами и под шеломы возлелияны в литовьской земли» (И-1, ср. К-Б, У, С).

Хронологические и церковно-обрядовые уточнения вторгаются в описание выезда в поход Дмитрия Донского: «Солнце ему на встоуѣ сентября 8 в среду на рожество пресвятыя богородица ясно свѣтитъ, путь ему повѣдаетъ, Борисъ Глѣбъ молитву творять за сродники свои» (К-Б). Ср. в «Слове о полку Игореве» описание выезда князя Игоря Святославича, где такого уточнения нет: «Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою птичь убуди».

Ср. вторжение «деловых», летописных хронологических уточнений и в других случаях: «Туто щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны на забралах на воскресение на Акима и Аннинъ день» (И-1, ср. И-2, С).

Летописная конкретизация вторгается в самые неподходящие места текста, в речи действующих лиц например: «Брате милый, сами есмо

⁹ Соединение отголосков «старых словес» с деловой речью отмечает и В. П. Адрианова-Перетц (см. ее работу: «Задонщина» (опыт реконструкции авторского текста). «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее: ТОДРЛ), т. VI, 1948, стр. 213).

¹⁰ Списки «Задонщины» обозначаются в дальнейшем: К-Б — список Кирилло-белозерский (№ 9/1086 Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде); И-1 — список Государственного исторического музея № 2060; И-2 — список Государственного исторического музея № 3045; У — список Ундольского (№ 632 Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина); С — список Синодальный (собрание Синодальной библиотеки № 790 Государственного исторического музея).

собе два брата, сынове есмо велико<го> князя Ивана Данилевалча Каметы, а внучата есмо великого князя Даниля Александровича. А воеводы в нас воставлены крепкия 70 бояринов, а княз белоузерстии Федор Семенович, два брата Олгирововичи, княз Андреи Бранский, а княз Дмитрей Волинский, а Тимофей Волоевич, Андреи Серкизовичъ, а Михайла Иванович. У боя нас людей 300 тисещъ кованыя раты...» (С, ср. У и др.).

Иногда смешение двух стилей — высокого поэтического и делопроизводственно-прозаического — производит в «Задонщине» прямо-таки комическое впечатление. Так, делопроизводственность проникает даже в плач московских жен. Если в «Слове» жены русских воинов упомянуты в общей массе, как поэтический образ, который должен характеризовать тяжесть утрат («Жены руския въсплакашась, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати“»), то привыкший к деловой точности и чиновничеству московской бюрократии XIV—XVI веков автор «Задонщины» уточняет, кто именно из жен плакал и о ком; это почти официальная реляция о плаче жен — жен официальной московской бюрократии: «Въспѣли бяше птицы жалостныя пѣсни, вси въсплакалис<я> к ней боярыни избьенныхъ, воеводины жены: *Микулина жена Василевич<а>*, да *Марья Дмитриева* рано плакашас<я> у Москвы у берега на забралах, аркучи: *Доне, Доне, быстрая рѣка, прирыла еси горы каменныя, течеша в землю по<ло>вецкую. Прилилъи моего государя къ мнѣ *Микулу Василевич<а>*. *Тимофѣева жена Волуевич<а> Федосья* та<ко> плакася аркучи: Уже веселе понич<е> въ славнѣ гради Москвѣ, уж<е> не вижу своег<о> государя *Тимофея Волуевича* в животѣ. Да *Ондрѣева жена Марья да Михайлова Оксѣнья* рано плакашас<я>: Се уж<е> нам обема солнце померкне на славнѣ гради Москвѣ» (И-1, ср. С, У). Это не поэтический плач, а официальное сообщение о плаче (своего рода «коммюнике»). Поэтический стиль плача резко диссонирует с делопроизводственной точностью.*

Типичный московский бюрократизм XIV—XV веков сказывается не только в стиле, но и в содержании. Например, забота о «местах», о служебном положении. Дмитрий Донской перед выступлением в поход говорит своим боярам: «Туто добудѣте себѣ мѣста и своимъ женам» (У, ср. И-1, И-2, С).

Есть и стремление соблюсти официальный этикет. В уста Дмитрию Донскому перед выступлением в поход вкладывается полагающаяся по московскому этикету молитва.

Тот же документально-протокольный характер носит и прямая речь в «Задонщине», однообразно вводимая словами «и рече» с точным поименным перечислением того, кто обращается и к кому, с указанием титулов и отчеств («И реч<е> князь великий Дмитрий Иванович своимъ <бо>яромъ и воеводамъ и дѣтемъ боярыскимъ» — И-2 и др.), иногда с прибавлением «канцелярского» словечка «тако» («Тако рече князь великий...» (К-Б) или сопровождаемая своеобразным заголовком, напоминающим заголовок на документе («Черньца Пересвѣта великому князю Дмитрию Ивановичю» — И-1).¹¹ Даже к обычному для «Слова» «аркучи» в «Задонщине» прибавляется канцелярское «тако» («аркут тако» — У; «аркучи такъ» — К-Б; «а ркуч<и> тако» — И-2, и т. д.).

Поскольку тексты «Задонщины» сильно отличаются друг от друга в различных списках, а в отношении текста Кирилло-белозерского списка существует даже мнение, что он представляет собой особую, первона-

¹¹ Ср. в берестяных грамотах: «От Кюрьяка къ Вышенѣ» (грамота № 332), «От Мирослава ко Ратмиру» (№ 334), «От Петра ко Кузмѣ» (№ 344), «От Микифора ко тѣтоке» (№ 346) и пр.

чальную редакцию «Задонщины», естественен вопрос: во всех ли списках наличествует данный признак подражательности? Не только этот признак, но и все остальные признаки подражательности, о которых речь будет в дальнейшем, прочно и равномерно распределяются по всем спискам. Приведу цитаты из Кирилло-белозерского списка, указывающие на то, что смешение поэтического стиля, близкого «Слову о полку Игореве», с деловым, делопроизводственным типично и для него: 1) «От тоя рати и до Мамаева побоища»; 2) «Се азъ князь великий Дмитрии Иванович и братъ его князь Володимеръ Ондръевич» (а далее в резком контрасте с этим деловым стилем: «поостриша сердца свои мужеству...» и т. д.); 3) «Тако рече князь великий Дмитрие Иванович своей братии русскимъ княземъ»; 4) «Солнце ему на встоцѣ семтября 8 в среду на рождество пресвятыя богородица ясно свѣтитъ»; 5) «взопаша избиении от поганыхъ князи великих и боляръ сановных, князя Федора Романовича Бѣлозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федоръ Мемко, Иванъ Сано, Михаило Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересвѣтъ чернецъ и иная многая дружина».

Если мы теперь обратимся к «Слову», то заметим, что «Слово» стилистически однородно, никаких диссонансов такого масштаба в «Слове» нет. Хотя отдельные образы в «Слове» могут быть отмечены как более фольклорные, другие как более книжные (например, в начале «Слова»), однако все это в пределах, не нарушающих художественную структуру.

Теперь спрашивается: что естественнее для подражания — механичность соединения стилистически разнородных явлений или художественная цельность? Если «Слово» подражало «Задонщине», то нужно допустить, что оно брало в «Задонщине» только один стилистический пласт, систематически, без единого отступления, опуская другой.¹²

Подражание может быть стилистически цельно при условии цельности оригинала, либо оно должно целиком перерабатывать старый стиль в новый, т. е., по существу, уже не являться подражанием. Последнее не подходит к взаимоотношениям «Слова» и «Задонщины», поскольку в обоих произведениях имеются близкие, почти точно совпадающие куски текста, формулы, образы и т. д.

Невыдержанность, нецельность стиля в подражаниях естественна и постоянна. Напротив, выдержанность стиля подражания при невыдержанности стиля оригинала, служащего образцом для подражания, — явление почти что невозможное. Я, во всяком случае, такого примера привести не могу. Такая выдержанность стиля подражания при невыдержанности стиля оригинала особенно невозможна в подражании, которое не свободно воспроизводит стиль оригинала, а близко следует отдельным формулам, как бы инкрустируя их в свой текст.

Допустим, что «Задонщина» — произведение не подражательное, а оригинальное и что оно дало основание для создания оригинального стиля «Слова о полку Игореве». В таком случае естественно предположить, что поэтический стиль «Задонщины» создан самим автором «Задонщины». Почему же в таком случае он так плохо его понимал как *высокий* стиль, что соединил его, и при этом механически, с крайне сниженным стилем деловых документов, летописи, — соединил поэзию с бюрократической прозой, на что не решался ни один экспериментатор в мире, разве только в пародиях, в юмористических произведениях?

Если предположить, однако, что оба стиля заимствованы в «Задонщине», но «Задонщина» при этом все же предшествует «Слову», то

¹² Я не касаюсь здесь и другого вопроса: если «Слово» создано на основе «Задонщины», то тогда надо признавать, что в нем есть заимствования и из других памятников (так, во всяком случае, утверждают все, относящие «Слово» к XVIII веку), и при всем том «Слово» — произведение удивительно цельное.

встает вопрос — откуда мог быть заимствован ее поэтический стиль? К «Задонщине» нет произведений, близких по поэтическому стилю, кроме «Слова о полку Игореве». Правда, в литературе существовало предположение, высказанное в докторской диссертации А. И. Никифорова,¹³ что «Задонщина» — записи былии XIV века (каждый список «Задонщины» он рассматривал как самостоятельный). Это могло бы объяснить высокую часть стиля «Задонщины», если бы подобное предположение было бы хоть сколько-нибудь вероятно.

Крайность точки зрения А. И. Никифорова была, однако, значительно смягчена тем обстоятельством, что он признавал «Задонщины» не просто былинами XIV века, а былинными переделками другой былины, «гениальной» и «непревзойденной», «выходящей за рамки своей эпохи», — «Слово о полку Игореве».

Оппоненты А. И. Никифорова, отдав должное трудолюбию автора, не согласились с его выводом, признать который невозможно не только фольклористу, но и ни одному читателю, сколько-нибудь знающему стиль народной поэзии. За два века до первых записей фольклора запись такого масштаба вообще не могла быть произведена.

Подробно вопрос об отношении «Задонщины» к фольклору был рассмотрен Б. Н. Путиловым.¹⁴ Нет нужды повторять выводы его исследования. Ясно одно: при наличии отдельных фольклорных стилистических оборотов «Задонщина» отнюдь не фольклорное произведение.

Каждый литературовед, внимательно изучавший стиль «Задонщины», должен согласиться с тем, что поэтический стиль ее должен был создать не автор памятника, а кто-то другой, до него. Значит, если бы даже до нас не дошло «Слово о полку Игореве», мы на основании «Задонщины» должны были предположить о существовании подобного произведения.

Но поэтика подражаний явно сказывается в «Задонщине» и не только в данном случае, т. е. в вопросе о смешении двух стилей.

Однообразие стилистических оборотов «Задонщины»

Подражатель обычно замечает не все элементы стиля оригинала, которому он подражает, а только наиболее бросившиеся ему в глаза, и эти привлечшие его внимание элементы повторяет. Поэтому в подражании мы можем встретить по несколько раз одни и те же стилистические приемы.

Именно такого рода повторения видим мы в «Задонщине». Например, в «Слове» говорится о Всеволоде Буй Туре: «Камо, турь, поскачаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая...» В «Задонщине» это место отразилось трижды (цитирую по списку И-1): «а в них сияють доспѣхы золочеными»: «а злаченым доспѣхомъ посвѣчиваше»; «князь Владимиръ... златым шеломом посвѣчиваше».

В «Слове» говорится: «ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя». В «Задонщине» (цитирую по списку У): «И загремѣли мечьми булатными о шеломы хиновские»; «И гремят мѣчи булатные о шеломы хиновские».

Ср. еще в «Задонщине»: «Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремитъ в славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит, стучить силная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремять удалци золочеными шеломы, черлеными щиты» (К-Б). И опять в том же списке К-Б: «Уже бо стукъ стучить и громъ гремитъ

¹³ Диссертация А. И. Никифорова напечатана не была. См.: Тезисы докторской диссертации А. И. Никифорова «„Слово о полку Игореве“ — былина XII века» (26 мая 1941 года). Типография «Ленинские курсы», Л., 1941.

¹⁴ Б. Н. Путилов. Куликовская битва в фольклоре. ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 125—129.

рано пред зорею. То ти не стукъ стучить, ни громъ гремит, князь Володимерь Ондрѣевич ведеть вой свои сторожевыя полкы к быстрому Дону» (ср. другие списки).

Дважды под влиянием одного и того же стилистического элемента «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» говорится: «Уж<е>, брате, возвеша силнии вѣтри по морю на усть Дону и Непра, прилѣлѣшас<я> великиа тучи по морю на рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в нихъ трепещуть силнии молнии» (И-1 и др.); и еще раз: «Тогда бо силнии тучи съступалис<я> вѣмѣсто, силнии молнии, громи гремѣли велицѣ. То ти съступалис<я> рускии сынове с погаными татары за свою обиду, а в них сияють доспѣхы золочеными, гремѣли князи рускиа мечи о шеломы хыновскыа» (И-1 и др.).

Сравните другие повторения однородных элементов в «Задонщине» (цитирую по списку И-1): 1) «испытаем мечевъ своих литовъских о шеломы татарскыа», 2) «възгремѣли мечи булатныя о шеломы хыновскыа», 3) «гремѣли князи рускиа мечи о шеломы хыновскыа», 4) «гремят мечи булатныа о шеломы хыновскыа», 5) «Гремят мечи о шеломы хыновскыа». Или: 1) «а в них сияють доспѣхы золочеными», 2) «а злаченым доспѣхомъ посвѣчиваше», 3) «златым шеломом посвѣчиваше», 4) «золочеными шлемы осветиша». И еще: 1) «хотят наступати на рускую землю», 2) «поганьи поля наступають», 3) «поганья бо поля наша наступають», 4) «Тогда князь великии поля наступает».

В Кирилло-белозерском списке, который, как мы уже отметили, некоторые исследователи выделяют среди других, также имеются повторения стилистических оборотов, например: «Господине князь Дмитрей, не ослабляи, уже, господине, поганья татарове на поля на наши наступають, а вой наши отнимають». Это обращение Владимира Андреевича к Дмитрию Ивановичу перед битвой, а вот речь князей перед походом в том же списке: «господине князь великыи, уже поганьи татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашу у нас отнимають». Или: «Тогда соколи и кречати, бѣлозерскыа ястреби борзо за Донъ перелетѣша», и выше в том же списке: «Тогда аки орли слѣтошася со всея полунощныя страны. То ти не орли слѣтошася, съѣхалися всѣ князи...»

Изучая стилистические повторения в «Задонщине», мы должны обратить внимание на два обстоятельства: 1) повторения касаются только тех стилистических элементов, которые так или иначе связаны со «Словом», что само по себе свидетельствует о том, что это повторения, типичные для подражаний (подражатель, как я уже сказал, воспроизводя форму оригинала, обращает внимание на наиболее яркие особенности его стиля и вводит их в свое произведение механически, не замечая их повторений); 2) повторения эти не несут художественной функции, — напротив, они разрушают художественность произведения, противоречат его замыслу. Отметить это последнее обстоятельство очень важно, так как повторения есть и в «Слове о полку Игореве», но все они несут художественную функцию и могут быть определены терминами поэтики (единоначатия, рефрены и пр.).

Стилистическая бедность «Задонщины»

Стилистически «Задонщина» беднее, чем «Слово». Все поэтические обороты «Задонщины» имеют соответствие в «Слове» и несколько — в фольклоре. С другой стороны, в «Слове» есть очень много стилистических оборотов, однородных со всем строем стиля «Слова», но не находящихся прямых соответствий в «Задонщине».

Дело в том, что «Слово» с точки зрения своего содержания вообще сложнее «Задонщины» и соответственно сложности содержания богаче и его стиль.

В самом деле, содержание «Задонщины» — радость по поводу победы; «Слово» же содержит серьезные размышления по поводу поражения, исторические аналогии, историософские размышления и пр.

«Задонщина» — это рассказ о Куликовской битве, о выступлении в поход, о первой половине битвы — неудачной и о второй — удачной. «Слово» несравненно богаче: кроме поражения Игоря, здесь и исторические припоминания, обращения к князьям-современникам, описание бегства Игоря из плена, плач Ярославны, сон Святослава, «золотое слово» и пр. Эти части стилистически оформлены однородно со всем «Словом» — здесь множество отдельных элементов стиля, не отразившихся в «Задонщине».

Кроме общей стилистической бедности «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве», может быть отмечена и большая бедность отдельных образов «Задонщины» по сравнению с аналогичными, связанными с ними образами «Слова».

Например в «Слове»: «Чръна земля подъ копыты костью была посѣяна, а кровию поляна: тугою взыдоша по Руской земли». В «Задонщине» этот образ остался без «всходов»: «Черна земля под копыты, костью татарскими поля насѣяша, кровью земля пролита» (И-1; ср. У, С); «Тогда поля костью насѣяны, кровью полиано» (К-Б). Не полностью отразился в «Задонщине» и сложный образ пира-битвы, где храбрые русичи — хозяева, а враги — сваты. Не доведен до конца в «Задонщине» образ битвы-жатвы. Сокращены в «Задонщине» образы плача Ярославны; в плачах жен осталось только обращение к реке (в «Слове» — к Днепру, в «Задонщине» — к Дону и Москве), исчезли обращения к ветру, к солнцу. Нет полета Ярославны зегзицею по Дунаю. И т. д.

Обеднение образа в «Задонщине» очень часто происходит потому, что он изъят из контекста, выхвачена только одна какая-то его часть.

В «Слове» сказано о Всеволоде Буй Туре: «Ярь туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломы мечи харалужными! Камо, турь, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганья головы половецкыя». И это только часть картины, рисующей Всеволода — его сильный и мужественный образ, выдержанный в героических, гиперболизированных тонах. В «Задонщине» от всего этого осталась только бессмысленная фраза: «Въсталъ уж<е> турь оборень (И-1) или «Уже бо ста тур на оборонь» (У) и отдельные, перенесенные на Владимира Андреевича, фразы: «Воскликнул княз Володимер Андреевич, а скокаша на конѣ по рати поганых татар, своим конем борздым поеждаючи, золотым поспехом посвечаючи. Гримят мечы булатныя об шеломы татарския» (С). Ясно, что отчетливый образ Всеволода Буй Тура не мог быть воспроизведен в «Слове» из этих разрозненных фраз «Задонщины». Несомненно, имело место обратное: обеднение и «растворение» образа Всеволода в «Задонщине».

Композиционная вторичность «Задонщины»

«Задонщина» содержит соответствия «Слову» не только в стиле, в отдельных формулах, выражениях и образах, но и в последовательности изложения событий.

Оба произведения после вступления, в котором упоминается Боян, переходят к описанию сборов войска и похода. Характеристика Игоря Святославича и Всеволода Буй Тура соответствует характеристике Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. В «Слове» сражений два — первое победоносное, второе оканчивающееся поражением. В «Задонщине» сражение одно, но в нем два момента: первый неудачен для русских, второй несет победу.

Сон Святослава и его «золотое слово» соответствуют в «Задонщине» увещательному слову Дмитрия Ивановича и описанию предзнаменований. Плач Ярославны соответствует в «Задонщине» нескольким плачам боярынь по убитым.

Бегство Игоря из плена до известной степени соответствует бегству Мамае, диалог Гзака и Кончака, их досада — досаде татар в «Задонщине» и словам фрягов о Мамае.

Если мы разберем композицию обоих произведений, то заметим, что композиция «Задонщины» значительно менее сложна, чем композиция «Слова». Она не перебита историческими воспоминаниями и лирическими размышлениями. Однако значение общих элементов в композиции обоих произведений различно. В «Слове» каждый элемент композиции тверже и определеннее выполняет свою функцию.

Рассмотрим прежде всего вступление. Вступление в «Слове» — это обычное для приподнятых ораторских, житийных и повествовательных произведений размышление о выборе стилистической манеры, в которой должно вестись все последующее повествование, определение своего отношения к литературной манере предшественника. Такие вступления мы встретим в проповедях Кирилла Туровского,¹⁵ в Хронике Константина Манассии (дважды)¹⁶ и других произведениях.

В связи с этим размышлением в «Слове» следует рассматривать и весь пассаж о Бояне. Автор «Слова» рассуждает — следовать ли ему или не следовать за стилистической манерой старого певца Бояна. Здесь все ясно и художественно целесообразно. В «Задонщине» же появление Бояна не мотивировано. В Кирилло-белозерском списке, где текст о Бояне сохранился в наибольшей полноте, говорится только следующее: «Поидемъ, брате, в полуночную страну жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемъ на горы киевскыя. Первѣе всѣхъ вшедъ восхвалимъ вѣщаго го Бояна в городѣ в Киевѣ, гораздо гудца. Той бо вѣщии Боянъ, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, восхваляя ихъ пѣсми и гуслеными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андрѣевича, занеже ихъ было мужество и желание за землю русьскую и за вѣру христианьскую».

В списке И-1 самое имя Бояна искажено, но сохранена та же мысль: автор приглашает взойти с ним на горы Киевские, помянуть первые времена и похвалить киевского «гораздаго гудца» «вѣща боинаго» (может быть — «боярина»), который воскладал свои персты на вещие струны и пел славу князьям древним. Похвалы Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу этот «гораздый гудец» в списке И-1 не поет. В списке У мотив выбора стиля дальнейшего повествования как будто бы имеется, хотя и очень неясен (об этом скажу в дальнейшем), но этот мотив выбора стиля полностью отделен от похвалы Бояну, значение которой все же остается непонятным. После предложения составить похвалу Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу идет следующее место: «И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начяти повѣдати иными словесы от похвальных сихъ и о нынешних повѣстех похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю, а внуки святаго великаго князя Владимиреа Киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию, но землями, по-

¹⁵ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 340, 344.

¹⁶ Cronica lui Constantin Manasses. Text și glosar de Ioan Bogdan. București 1922, pp. 1, 36.

мянем первых лѣтъ времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудца в Києве. Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу, первому князю киевскому Игорю Бяриковичю и великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому и великому князю Ярославу Володимировичю». После этого автор обращается к другому своему предшественнику — Софонію-рязанцу: «Аз же помяну резанца Софонія и восхваляю пѣснеми гусленными словесы сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича...»

Совершенно неясным оказывается и все место, где говорится: «*лудчи бо нам, брате, начяти повѣдати иными словесы*». «Лудче» чего? и почему слова должны быть «иные» — «иные» по сравнению с какими? То, что ясно в «Слове», в «Задонщине» загадочно и непонятно. Объясняет все только вступительная часть «Слова».

В Синодальном списке похвалы Бояну нет вовсе. Список И-2, как известно, без начала. Итак, назначение образа Бояна в «Задонщине» очень неясно, нет и характеристики стиля Бояна, столь выпуклой в «Слове». Перед нами в «Задонщине» не совсем ясные реминисценции «Слова», и только.

В «Слове» имеется, как известно, один плач Ярославны и кратко говорится о плаче русских жен. Композиционная роль этих плачей совершенно четкая. В первом случае большой плач Ярославны предшествует бегству Игоря. Природа как бы откликается на плач Ярославны и помогает Игорю бежать. Сам бог указывает ему путь в Русскую землю смерчами, идущими от моря. Плач же русских жен вставлен в общую картину страданий Русской земли в целом. Ни тот, ни другой плач не повторяют друг друга. Иное в «Задонщине»: там плачет Микулина жена Марья, затем непосредственно после нее — Иванова или Тимофеева жена Федосья, за нею — Андреева жена Марья и Михайлова жена «Оксенья», после — жены коломенские. Плачи всех этих жен коротки, в целом они повторяют друг друга и сохраняют из плача Ярославны «Слова» только обращения к реке (к Дону и к Москве). Строго связанные в «Слове» с обращением к Днепру, обращения Ярославны к солнцу и к ветру в «Задонщине» не отразились. Впечатление от плачей ослаблено «многоголосостью», краткостью их упоминаний и прозаичностью повторений одного и того же. В «Задонщине» плачи как бы соединены с перечислением вдов убитых. Это как бы дополнение к списку павших. Делопроизводственная манера автора «Задонщины» сказывается и здесь.

Все обращения Игоря Святославича к воинам, к князьям, обращения Всеволода Буй Тура и Святослава в «золотом слове» имеют внутреннюю мотивировку. Они вызваны конкретными обстоятельствами. Игорь обращается к своей дружине и к князьям во время солнечного затмения, чтобы поднять их упавший дух. Всеволод Буй Тур обращается к Игорю, который его дожидался, чтобы сообщить ему о своей готовности и о готовности своих воинов. Святослав рассказывает свой сон боярам, чтобы те его разгадали. «Золотое слово» Святослава и обращения к русским князьям имеют целью побудить князей выйти на защиту Русской земли. Обращение к каждому князю в этом «золотом слове» вполне конкретно; в них указывается, почему должен встать князь за родину, напоминается о его силе, храбрости, чести и долге.

Иной характер носят речи князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. Князья русские, уже съехавшись к Дмитрию Ивановичу «на пособь», заверяют его, что выедут с ним против татар (списки К-Б, И-1, У). Затем Дмитрий Иванович обращается к уже собравшимся русским князьям с призывом защищать русскую землю (списки К-Б, И-1). Затем обращаются друг к другу Владимир Андреевич и Дмитрий Донской, подбадривая себя выступить против татар, хотя никаких ни внеш-

них, ни психологических препятствий к этому выступлению казалось бы уже нет (списки И-1, С, У).

Речи действующих лиц в «Задонщине» — это как бы мысли вслух. Они носят, я бы сказал, условный характер. Это речи, сказанные за автора, чтобы мотивировать поступки действующих лиц или дать комментарий к событиям. Последнее особенно отчетливо выступает в речи татар, которую они как бы коллективно, одновременно произносят, когда бегут с поля битвы: «Туто погании разлучишас<я>, раздно побѣгоша неуготованными дорогами в лукомор<ь>е, скрекчюще зубы своими, деручи лица своя, а ркуче: „Уже намъ, брат<и>е, в земли своей не бывати, а дѣтѣй своих не видати, а катунъ своих не трепати, а трепати намъ сырая земля, а цѣловат<и> намъ зелена мурова, а на Рус<ь> нам уже рат<ь>ю не хоживати, а выхода намъ у русских князей не прашивати“» (И-2, ср. У, С).

Такой же характер имеют и речи фрягов, которыми автор «Задонщины» как бы комментирует бегство Мамаю (списки У, С).

Еще одна особенность обращений в «Задонщине». Стиль и характер устного слова в них утрачены. Обращения содержат элементы книжности, невозможные в устных выступлениях. В этом их разительное отличие от прямой речи в «Слове», сохраняющей в строгом соответствии с литературной традицией XI—XIII веков либо характер воинских речей, либо характер ораторских обращений (в «золотом слове» Святослава), но никогда не включающей книжных элементов.

Хронологическая непоследовательность «Задонщины»

Разительная особенность «Задонщины» — хронологическая непоследовательность. Эта непоследовательность не входит в художественный замысел автора; в крупном плане события развиваются последовательно: сперва сборы войска, затем первая половина сражения — неудачная, после вторая — удачная, победа, затем бегство Мамаю. Однако в частных случаях эпизоды никак не следуют друг за другом: они выхвачены, перемешаны, автор переходит от более поздних эпизодов боя к более ранним, возвращается к тем же эпизодам, не выдерживая переходов к следующему. В отдельных случаях изображение событий топчется на месте. Логика повествования нарушается.

Перед нами как бы некоторые пробы, подгонки описания битвы на Дону к стилистическим средствам «Слова» без соблюдения строгого порядка. Так, например, в списке Ундольского князь Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич сперва (еще до своего соединения у Коломны) «уставляют» «храбрыя воеводы в Руской земле», затем поминают прадеда своего Владимира Киевского, затем говорится о разных событиях в Руской земле, после — о новгородцах, собирающихся у святой Софии, затем — о сборах русских князей, говорящих почему-то о том, что татары стоят у Дуная и одновременно — на реке Мечи «между Чюровым и Михайловым». Затем следует обращение Дмитрия Ивановича к Владимиру Андреевичу и литовским князьям. После передаются слова Андрея Ольгердовича и довольно пространная речь к нему Дмитрия Ивановича, в которой он предупреждает о готовящемся сражении на речке Непрядве «между Доном и Непром». Снова говорится о том, что татары идут между Доном и Днепром и что серые волки — татары «хотят на Мѣчи поступити в Рускую землю». После лирических излияний следует сообщение о том, что Дмитрий Иванович выступил в поход и одновременно выступает Владимир Андреевич. Приводится новый диалог Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, в котором они описывают свои войска. Затем говорится о битве и при этом битва изображается как победа и сообщается о ее всесветной славе. Упоминается, что бились войска с утра и

до полудня в субботу на Рождество богородицы. Вслед за этим описанием победы неожиданно говорится о поражении и о потерях русских в первой половине битвы. После этого сообщается об опустошении Рязанской земли, которое произошло значительно раньше, о плаче княгинь, боярынь и воеводских жен по избитым, приводится и плач коломенских жен. Затем новый неожиданный переход — мысль автора возвращается к теме победы: говорится, что «того же дни в субботу» посекли христиане поганые полки на поле Куликовом, приводятся ободряющие речи Владимира Андреевича и Дмитрия Ивановича. Русские войска наступают, татары бегут и «уже бо ста тур на оборонь» (последняя фраза, варьирующаяся в разных списках, непонятна).

Отсутствие строгой хронологической последовательности и немотивированность переходов от одной темы к другой обращает на себя внимание и в той части «Задонщины», которая сохранилась в Кирилло-белозерском списке. Там, например, «чюдно стязи стоять у Дону великого» раньше, чем войска выступают к Дону, раньше, чем Владимир Андреевич повел свои сторожевые (передовые) полки к Дону, и раньше, чем вступил Дмитрий Иванович «во свое златое стремя». Приглашение жаворонку воспеть *славу* Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу предшествует битве. Съехавшиеся к Дмитрию Ивановичу князья говорят ему: «уже поганьи татарове на поля на наши наступают» — раньше, чем автор сообщает о выступлении Мамаю. Весть о битве разносится по «рожнымь землям», «за Волгу, к Желѣзным вратомь, к Риму до Черемисы, до Чяховь, до Ляховь, до Устюга поганыхъ татарь за дышущем моремь» раньше, чем кончилась сама битва, — перед эпизодом, в котором Ослябя предсказывает гибель Пересвета в будущем поединке. Сами диалоги и речи князей произносятся не в конкретной обстановке, а как бы вне пространства и времени. Герои обращаются друг к другу разделенные расстоянием. Ясно, что временная последовательность и в Кирилло-белозерском тексте соблюдается только в самых общих чертах. В основном же и в данном варианте «Задонщины» существует не последовательность событий, а последовательность отдельных речей, образов, стилистических формул, определяемая в значительной степени их последовательностью в «Слове».¹⁷

В самом деле, обратим внимание на следующее. Положение плача жен и вдов в «Задонщине» как бы в середине битвы объясняется несомненно тем, что плач русских жен в «Слове» занимает срединное положение в произведении. «Слава руская» звенит «по всей земли русской» (И-1, ср. К-Б, У, С) еще до битвы, так же как и в «Слове», но в «Слове» она относится к Святославу и помещена на месте — там, где говорится о его прошлых победах. Отдельные речи Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича также следуют тому порядку изложения, который существует в их образце — в «Слове». Хронологическая путаница с выступлением русских войск и татар (реально, как известно, татары во главе с Мамаем выступили первыми и вызвали этим ответные сборы войска и выступление войска навстречу татарам) объясняется тем, что в «Слове» первыми выступили русские и только в ответ на поход Игоря стали собираться половцы.

¹⁷ Я уже не говорю о таких непоследовательностях в Кирилло-белозерском списке: счастливые знаменья как бы повисают в воздухе, не будучи подкреплены рассказом о конечной победе русских; без рассказа о победе остается немотивированной и слава, которую поет жаворонок. Эта непоследовательность объясняется не «поэтикой подражаний», а тем, очевидно, что «Задонщина» в Кирилло-белозерском списке, вопреки утверждениям чешского исследователя Я. Фрчека, рассматривавшего ее как особое цельное произведение, дошла до нас без окончания. Но это предмет текстологического исследования списков «Задонщины», а не вопрос поэтики самого произведения.

Несоответствия новому содержанию в «Задонщине»

Поскольку подражание внешне зависит от оригинала, относящегося к другому времени и посвященного другому содержанию, — в нем всегда оказываются различные несоответствия новому содержанию и «остатки» произведения, послужившего оригиналом. Появляются в нем, в том или ином виде, различные несоответствия своему времени: языку, исторической действительности, литературной традиции.

В «Задонщине» таких «остатков» «Слова о полку Игореве» очень много. И немало таких «остатков», которые в «Задонщине» совсем неуместны и могут быть поняты только с помощью «Слова».

Прежде всего в «Задонщине» (в списке У) сохранилось название небольшой реки, на которой происходила битва Игоря Святославича с половцами, — Каялы. Эта река упоминается только в «Слове» и в летописном рассказе Ипатьевской летописи о том же походе Игоря. И это понятно, но в «Задонщине» эта река упомянута без особой связи с содержанием «Задонщины».

Ярославна, как известно, плакала по своему муже Игорю, находившемуся в плену, молила о его возвращении из плена, просила Днепр прилеять его к себе: «Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». В «Задонщине» русские жены плачут в сходных выражениях по убитым, никто из их мужей не попал в плен и тем не менее до жен доходят «поломянные вѣсти», или «полоняныя» (И-1), т. е. вести о плене,¹⁸ а самые жены названы «поломяныя» или «полоняные жены», т. е. жены пленников. Жена Микулы Васильевича, так же, как Ярославна, просит Днепр, — просит Дон прилеять к ней ее мужа, хотя муж ее не пленен, как Игорь, а убит и по Дону нет пути для возвращения в Москву (список И-1, И-2, У, С). Ясно, что плач Ярославны первичен, а плач вдовы Микулы Васильевича — это неудачная его переделка.

В «Слове» понятны все упоминания рек: Дона, за который, согласно летописи, ходили на половцев русские войска Игоря, Днепра — центральной водой артерии тогдашней Киевской земли, Дуная, где еще находились в XII веке русские поселения. Но в «Задонщине» настойчивые упоминания Днепра, расположенного в сотнях верст от владений московского князя, и Дуная (в списке У) — совершенно непонятны. Они могут быть объяснены только как следы «Слова».

В «Задонщине» московский князь может «веслы Непру запрудити». Это могущество московского князя на Днепре — непонятно. Но оно становится понятным, если вспомнить, что в «Слове» Всеволод Суздальский может «Волгу веслы раскропити», где он действительно одержал победу над волжскими болгарами в 1183 году.

В «Задонщине» татары Мамай идут не от Волги, где находится центр Золотой орды и откуда двигался в действительности на Русь Мамай, а от Черного моря, из пространства между Доном и Днепром: «Уже бо всташа силнии вѣтри с моря, прилелѣяша тучю велику на усть Нѣпра, на русскую землю. Ис тучи выступи кровавая оболочка, а из нихъ пашють сние молнии. Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Нѣпромъ, идетъ Хинела на русскую землю. Сѣрие волци воють, то ти были не сѣрие волци, придоша поганые татарове, хотять проити воюючи, взяти всю землю русскую» (К-Б, ср. И-1, У, С). Это движение татар от берегов

¹⁸ Ср. в Псковской первой летописи под 1509 годом: «и переняше псковичи полоняную свою вестъ от Филипа» (известие о захвате в плен посадников псковских и других псковичей) (см.: Псковские летописи. Вып. I. Приготовил к печати А. Насонов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 93).

Черного моря, из района между устьями Дона и Днепра, может быть понято только в связи со «Словом» — именно оттуда, от обычного района своих зимних кочевий в XII веке, двигались навстречу войску Игоря половцы (ср. в «Слове»: «чръныя тучя съ моря идуть», «Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами» и пр.).

Стоит упомянуть и о таком географическом несоответствии в «Задонщине». В «Слове» в обращении Ярославны к Днепру говорится, что он «пробил» каменные горы сквозь землю Половецкую, и Днепр действительно пробивает каменные пороги в том как раз месте, где степные народы чаще всего нападали на русские ладьи. Это было самое опасное место земли Половецкой. В «Задонщине» в плаче русских жен говорится несколько иначе: «Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течеша в землю по<ло>вецкую» (И-1 и др.).¹⁹ Но Дон на своем пути не встречает порогов, а любой крутизны правый берег еще не позволяет сказать, что река «прорыла» каменные горы. Каменными были только пороги на Днепре.

В XII веке, во времена Игоря Святославича, было естественно сказать о его войске и сподручных князьях, что «хороброе гнездо» Ольговичей не было «обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине». Игорь Святославич был первым русским князем, попавшим в плен к степным врагам русских. Но то же самое сказать после полутора столетий еще не кончившегося чужеземного ига о всех русских князьях было невозможно. Между тем в «Задонщине» великий князь Дмитрий Иванович говорит: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великаго князя Владимира Киевскаго, не въ обиде есми были по рождению ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю» (У, ср. К-Б, И-1, С).

В «Задонщине» постоянно говорится о «половцах», о «половецком поле» и «половецкой земле». Конечно, в конце XIV—начале XV века татары отождествлялись с половцами, но тем не менее нельзя не признать, что называние половцев их собственным именем — половцами — более естественно, чем настойчивое именование половцами другого народа — татар.

Дважды повторенный в «Слове» лирический рефрен: «О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси» (т. е. «О Русская земля! Уже ты скрылась за холмом!») уместнее в «Слове», чем разрывающая текст «Задонщины» не совсем ясная по смыслу фраза: «земля еси русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломоном, так буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитриемъ Ивановичемъ» (К-Б, ср. И-1, У, С). Даже если принять объяснение А. Мазона, что под Соломоном здесь следует разуметь библейского царя Соломона, якобы бывшего владельца Русской земли по «Повести о граде Иерусалиме», текст «Задонщины» и самая логика появления этого места в «Задонщине» без «Слова о полку Игореве» остаются непонятными. В самом деле, в «Слове» говорится об углублении русского войска в степь, затем о грозных приметах несчастья; воспоминание о родине, скрывшейся за пограничным холмом, как бы продолжает эту тревогу, пронизывающую весь рассказ «Слова» в данном месте. Тревога нарастает, приближаются враги, и снова скорбный рефрен раздается в «Слове». В «Задонщине» фраза о Соломоне как бы предсказывает счастливый поворот в судьбе Русской земли: Дмитрий Иванович заступит собой в будущем царя Соломона, но ведь по «Повести о граде Иерусалиме» имя Соломона отброшено в далекое прошлое, да и Дмитрий находился на

¹⁹ В списке К-Б несколько иначе: «Доне, Доне, быстрыи Доне, прошелъ еси землю половецкую, пробилъ еси берези хараужныя», но что такое «берези хараужныя» или «харалужные» — совершенно неясно: это одно из тех «темных мест», которыми полны все списки «Задонщины».

великом княжении немало лет. Появление «Соломона» из «шеломяни» может быть объяснено псковской шепелявостью (меной «ш» на «с»), встречающейся в «Слове о полку Игореве» и, очевидно, давшей из «шеломянем» «селомянем», а отсюда и «Соломоном» «Задонщины». Однако никакой шепелявостью нельзя объяснить обратного: мены «с» на «ш», Соломона на «шеломя».

Как известно, в «Слове» широко отражено древнерусское двоеверие. Это двоеверие сказывается, в частности, в одушевлении природы. С этой стороны понятна и понижающая от жалости трава, и склоняющиеся в печали деревья («Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилося»), но в «Задонщине» все следы язычества и двоеверия вытравлены, и поэтому диссонансом кажется заявление автора о том, что «трава кровю пролита, а дрeвеса к земли тугою преклонишас<я>» (И-1, ср. У, С). Странным остатком двоеверия в «Задонщине» является и «диво», то кличущее под саблями татарскими, то, напротив, как бы находящееся на стороне татар. Это русское слово «диво» — ясный остаток тюркского божества «див», представленного в «Слове».

Можно указать также на такие места в «Задонщине», которые кажутся вполне «естественными», но которые никак не могли породить соответствующего им близкого текста «Слова».

Так, например, в «Слове» действительно случившееся солнечное затмение перед выступлением Игоря в поход служит дурным предзнаменованием: «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю. *Солнце ему тьмою путь заступаше...*» В «Задонщине» выступление князя Дмитрия Ивановича в поход описано в сходных выражениях, указывающих на то, что оба описания находятся в текстологической связи, но предзнаменование там счастливое, ведь Куликовская битва была победой: «Тогда же князь великий Дмитрией Иванович ступи во свое златое стремя, всѣдъ на свои борзыи конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на встоцѣ семтября 8 в среду на рожество пресвятыя богородица *ясно свѣтитъ...*» (К-Б, ср. И-1, У, С). Какой же текст первоначальнее: тот ли, в котором говорится о солнечном затмении, или тот, в котором солнце ясно светит? Ясно, что тот, в котором нельзя перевернуть самую действительность. Автор «Слова» превзошел бы Иисуса Навина, если бы остановил солнце (при этом задним числом!) и устроил точно установленное для 1 мая 1185 года астрономами²⁰ затмение солнца, для того чтобы иметь возможность «перевернуть» текст «Задонщины», обратив счастливое предзнаменование Куликовской победы в грозную примету поражения Игоря.

«Задонщина» и подражания ее времени

Подведем итоги рассмотрению «Задонщины» как подражательного произведения. Мы определили выше подражание как произведение, переносящее манеру, стиль, форму оригинала на новое содержание. Тем не менее типы подражаний очень разнообразны.

Автор «Задонщины» не ставил себе целей стилизации своего произведения под свой оригинал. Это не стилизация в целях «испытания мастерства» и не ироническое подражание, созданное в юмористических целях. Такие стилизации и не могли появиться в XV—XVI веках.

Автор «Задонщины» не задумываясь, мозаично, иногда механически, применяет отдельные элементы понравившейся ему формы «Слова» к сво-

²⁰ См.: Н. Степанов. Таблицы для решения летописных «задач на время». «Известия ОРЯС», 1908, кн. 2, стр. 127—128; Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. «Известия ОРЯС», 1915, кн. 1, стр. 111—112.

ему собственному произведению. «Задонщина» — это только подражание «Слову», но не стилизация.

Так как автор «Задонщины» не ощущал стиля «Слова», то он и смешивал его со стилем ему привычным — деловым московским. Это происходило отчасти и вследствие непонимания автором «Задонщины» стиля своего оригинала. Поэтому под его пером получилось произведение смешанного стиля, непоследовательное в изложении событий и не очень искусное. Как образец «Слова» использовалось в «Задонщине» главным образом для поэтических инкрустаций, для украшения собственного произведения: приблизительно так, как использовали хищники времен упадка культуры античные колонны, капители, барельефы в собственных хилых зданиях — не соизмеряясь с масштабами и планом здания, с его пропорциями и общим замыслом.

Если мы вычеркнем из «Задонщины» все заимствования из «Слова», то в ней не останется ни одного стилистически близкого «Слову» элемента. Стилистическая близость «Задонщины» к «Слову» полностью исчерпывается в ней механическими заимствованиями из «Слова». Но если мы вычеркнем в «Слове» все то, что совпадает в нем с «Задонщиной», то останется гораздо большая часть, близкая поэтическому слою «Задонщины». Следовательно, с точки зрения стилистической просто «перевернуть» отношения «Задонщины» к «Слову» нельзя. Если подозревать, что «Слово» зависит от «Задонщины», то зависимость эта должна оказаться совершенно другого типа, чем зависимость «Задонщины» от «Слова». Какой же тип зависимости больше соответствует историко-литературным явлениям своего времени? Посмотрим прежде всего, какие стилистические зависимости одного произведения от другого существовали в эпоху «Задонщины».

Подражания того же типа, что «Задонщина», типичны для конца XIV и XV века. При всей необычности стилистического строя «Задонщины» для конца XIV—XV века подражательность ее и самый характер этой подражательности отнюдь не занимают одинокого положения.

Так, например, С. К. Шамбинаго вслед за С. М. Соловьевым и Назаровым отметил влияние «Жития Александра Невского» на «Летописную повесть о Мамаевом побоище». Это влияние, как указал С. К. Шамбинаго, заключается в заимствовании из жития стилистических формул, отдельных выражений и самого плана летописной повести,²¹ но летописная повесть мешает отдельные стилистические формулы жития с заимствованиями из Синодика,²² вследствие чего стиль летописной повести лишен единства, присущего «Житию Александра Невского».

Тому же «Житию Александра Невского» подражает и автор «Слова о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского», как это отметил еще В. О. Ключевский,²³ но соединяет заимствование из него с формулами других домонгольских памятников.

Житие Федора Черного (Ярославского), написанное в конце XV века, включает в своем предисловии подражание «Слову о гибели Русской земли»: «О светлая и пресветлая Русская земле и преукрашенная многими рѣками и разноличными птицами и звѣрми и всякою различною тварию... наполнив ю великими грады и дома церковными...»²⁴

²¹ С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 60—71. В рецензии на книгу С. К. Шамбинаго А. А. Шахматов возражает против того, что составитель летописной повести использовал именно вторую редакцию жития, как это утверждает С. К. Шамбинаго (см.: Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910, стр. 122).

²² С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 72—73.

²³ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 169.

²⁴ В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 173. Ср. в «Слове о гибели»: «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! И многими кра-

Аналогичные заимствования поэтических формул видим мы и в других произведениях конца XIV—XV века. Так, например, летописный рассказ о разорении Москвы Тохтамышем (читается в ряде летописей под 1382 годом)²⁵ заимствует многие поэтические обороты из «Повести о разорении Рязани Батыем». Характерно, что в летописном рассказе о разорении Москвы Тохтамышем сказываются те же элементы поэтики механических, не стилизационных подражаний, что и в «Задонщине»: заимствованные поэтические обороты своеобразно инкрустируются в точное и отнюдь не поэтическое изложение летописи; отдельные полюбившиеся заимствования употребляются по несколько раз. «Волости и села жгуще и воюючи ихъ, и народъ крестьяньский сѣкуще и всячески и убивающе, а прочая люди в полонъ емлюще» (стр. 330). И далее снова: «и волости повоеваша, и села пожгоша, а монастыри пограбиша, а крестьянь посѣкоша, а иныхъ в полонъ поведоша» (стр. 337). Или: «и взя землю Рязанскую и огнемъ пожже и, и люди посѣче, а ннии разбѣгошася; а полоня повѣде в орду бесчисленное множество» (стр. 337—338). И далее снова: «колико волости повоеваша, колико огнемъ пожгоша, колико мечемъ посѣкоша, и елико в полонъ повѣдоша» (стр. 338). Или: «а землю его до останка взяша и пугу сътвориша» (стр. 338). И далее снова: «а землю его до останка взяша и пугу сътвориша» (стр. 338—339).

Все приведенные повторения являются заимствованиями из «Повести о разорении Рязани Батыем».

Характерно также аналогичное «Задонщине» соединение поэтических заимствований с деловитостью летописного стиля. Так, после поэтического плача о разоренной Москве, представляющего собой заимствование из «Повести о разорении Рязани Батыем», автор начинает по-купечески (повесть о нашествии Тохтамыша вообще сочувствует купцам) исчислять «убытки» и «проторы». За погребение мертвых, пишет он, давали «отъ 40 по полтынѣ, а отъ 50 по рублю; и съчтоша: всего того дано бысть отъ погрѣбания мертвыхъ 300 рублей» (стр. 338). Общие же «убытки» были следующие: «и аще бы мощно было ти вси убытки и напасти и проторы исцитати, убо не смѣю рещи, мню, яко тысяща тысящъ рублей не иметь числа» (стр. 338).

К началу XV века относится «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», в котором имеется много вкраплений из «Похвалы роду рязанских князей». Все они того же свойства, что и вкрапления в «Задонщине» из «Слова о полку Игореве». Сравнивая «Похвалу» и «Слово о житии», мы видим, что «Похвала» отличается большей цельностью стиля, объединена общим ритмом. «Слово о житии» же содержит соединение заимствований из «Похвалы» с чуждым последней стилем «плетения словес». Кроме того, в «Слове о житии» имеется ряд грамматических и стилистических несообразностей, явившихся результатом механического переноса из «Похвалы» отдельных стилистических формул.²⁶ Очень важно отметить, что и в «Слове о житии» мы можем наблюдать ту же типичную для подражаний черту, что и в «Задонщине»: повторения заимствованных элементов. Так, в «Похвале» имеется следующая фраза: «Ратным же во бранех страшни являшеся и многи враги, востаючи на нь, победиша».²⁷ Ср. в «Слове о житии»: «рат-

сотами удивлена еси: озера многими, удивлена еси рѣками... звѣрьми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными...» (список Псково-печерский).

²⁵ В дальнейшем цитирую его по Новгородской четвертой летописи: ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, 1925, стр. 326—339 (ссылки приводятся в тексте).

²⁶ См.: Д. С. Лихачев. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века. В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 21—22.

²⁷ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 320.

нымъ же всегда въ бранехъ страшень бываше, и многи врагы, встающа на нь, побѣди»;²⁸ «и мужествовахъ с вами на многы страны, и противнымъ страшень быхъ въ бранехъ».²⁹ Или в «Похвале»: «И по браце целомудренно живяста... соблюдаючи тело свое по браце чисто»,³⁰ а в «Слове о житии»: «и по брацѣ целомудрено живяста»;³¹ «тѣло свое чисто съхрани до женитвы»;³² «и по брацѣ съвокупления тожде тѣло чисто съблюде, грѣху же непричастно»,³³ «подружие имяше, и в цѣломудрии живяста»;³⁴ «преже приближенъа браку чистоту съхранившимъ».³⁵

Отдельные однообразные обороты, заимствованные из «Похвалы», встречаются на протяжении всего «Слова о житии». Так, например, в «Похвале» есть выражение «а по вся свята посты причастастася»;³⁶ это выражение много раз варьируется в «Слове о житии»: «по вся ноци», «по вся дни», «по вся часы», «по вся неделя» и пр.³⁷

«Слово о житии» принадлежит к числу неполных подражаний. Кроме следования «Похвале роду рязанских князей», в ней имеются и другие заимствования и инкрустации, например из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона,³⁸ однако в целом тип подражания, как бы инкрустирующего «поэтизмы» и стилистические формулы из своего образца при общем следовании плану образца, и в данном случае близок «Задонщине».

Характерно, что «Задонщина» в XV и XVI веках в свою очередь породила подражания и эти подражания опять-таки оказались того же типа, что и сама «Задонщина», — инкрустирующими поэтические элементы в инородный текст, соединяющими разные стили. Это подражания, но не стилизации. Я имею в виду различные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и рассказ псковской летописи о битве на Орше 1514 года.³⁹

Следовательно, характер подражательности «Задонщины» типичен для своего времени.

Для поэтики подражаний свойственно и еще одно явление, на котором я не останавливался выше. Обычно объектом подражания (как в новой литературе, так и в древней) избирается произведение с яркой стилистической характерностью, произведение своеобразное.

Это обстоятельство подтверждается и приведенными примерами. Объектами подражаний в конце XIV—XV веке служат «Житие Александра Невского», «Слово о законе и благодати» Илариона, «Слово о гибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Похвала роду рязанских князей». Яркое и последовательное в своем стиле «Слово о полку Игореве» послужило основой для произведения менее последовательного и более во всех отношениях бледного — «Задонщины». Это естественно. Обратное было бы исключением. Представить себе, что богатое и последовательное в стилистическом отношении «Слово» является

²⁸ Новгородская четвертая летопись, стр. 352.

²⁹ Там же, стр. 357.

³⁰ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, стр. 321.

³¹ Новгородская четвертая летопись, стр. 352.

³² Там же, стр. 355.

³³ Там же, стр. 355.

³⁴ Там же, стр. 362.

³⁵ Там же, стр. 364.

³⁶ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, стр. 321.

³⁷ Новгородская четвертая летопись, стр. 356 и др.

³⁸ См. об этом в статье А. В. Соловьева «Епифаний Премудрый как автор „Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго“» (ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 100—102).

³⁹ Псковские летописи. Вып. I, стр. 98.

подражанием более бедной и стилистически неоднородной «Задонщине», невозможно.⁴⁰

Вместе с тем необходимо отметить, что подражательность «Задонщины» типична не только для литературы своего времени, но и для всей русской культуры конца XIV—начала XV века. Литература конца XIV—XV века обращается за образцами к литературе времени до татаро-монгольского нашествия — к своей «античности». В этой связи понятно и обращение автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве».

В эту эпоху, как известно, идет грандиозная восстановительная работа, стремящаяся возродить русскую культуру периода независимости Руси, домонгольскую культуру. Это одно из явлений русской культуры, типичных для времени после Куликовской победы.

Восстанавливаются стенные росписи (в них принимает участие Андрей Рублев), восстанавливаются храмы XI—XII веков (во Владимире, в Твери, в Новгороде и пр.), в фольклоре, в былинах воспеваются время богатырства киевского и князя Владимира, в литературе создаются новые редакции старых произведений (Повести временных лет, Киево-печерского патерика и пр.) и возникают многочисленные частичные подражания памятникам XI—XIII веков.

То, что автор «Задонщины» пользовался книжным образцом, указано в самом тексте «Задонщины»: «Преже восписах жалость земли Руские и прочее, от книг приводя» (У). В другом месте автор «Задонщины» пишет: «составим слово к слову». Возможно, что и здесь имеется в виду книжное произведение, называемое «Словом». Сама «Задонщина» называлась также «словом»: «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андрѣевиче» (У).

Подражания и стилизации в историко-литературном процессе

Итак, «Задонщина» как подражание «Слову о полку Игореве» закономерно входит в литературный процесс и находит свое место в историко-культурных явлениях конца XIV—XV века, когда мысль обращалась ко времени независимости и происходило своеобразное возрождение идейных и культурных традиций домонгольской Руси.

Сейчас я бы хотел обратить внимание еще на один аспект разбираемого вопроса. Выше я говорил о явлениях подражания, но совершенно не употреблял термина «стилизация». Явления подражания и явления стилизации — это не одно и то же. Стилизация неизвестна древнерусской литературе. В «Задонщине» нет элементов стилизации. Объясню — в чем тут дело.

Стилизация предполагает в стилизаторе тонкое чувство стиля, умение самостоятельно творить в стиле оригинала, соблюдать единство избранного стиля. В подражаниях конца XIV—XV века этого нет. Они строятся на отдельных заимствованиях, на выборках стилистических формул, на переделке отдельных заимствований и приспособлении их к новому содержанию. Ни одно из рассмотренных выше подражаний не в состоянии соблюсти единство заимствованного стиля. Заимствуется не стиль, а стилистические формулы и приемы. Эти стилистические формулы и приемы являются только элементами стиля произведения оригинала, которые вступают в механическое соединение с элементами других стилей. Тип подражаний конца XIV—XV века мозаичен.

⁴⁰ Сильнейшее произведение, произведение, стилистически яркое и своеобразное, служит обычно оригиналом для произведения более бледного. В отношении своих подражаний «Задонщина» — произведение, конечно, более стилистически яркое и своеобразное, но по отношению к «Слову о полку Игореве» оно бледное: оно светит отраженным светом.

Вопрос о появлении стилизаций в русской литературе — это вопрос историко-литературный, очень сложный и мало разработанный. Он требует строго исторического подхода. Стилизации в русской литературе начинают появляться только в новое время — тогда, когда возникает сознание индивидуального стиля писателя и сознание исторических стилей прошлого. В древней русской литературе были индивидуальные стили (у Владимира Мономаха, Максима Грека, Грозного и др.), но безусловно не было сознания индивидуального стиля в той его форме, в какой это сознание присуще новому времени. Не было и сознания исторической изменчивости стилей литературы. И это обстоятельство исключало возможность появления полноценных стилизаций. Были лишь подражания того типа, о котором я писал выше, но не могло быть архаизаций или стилизационных подделок.

Когда же появились или сделались возможными в русской литературе стилизации произведений древнерусской литературы и фольклора: стилизации под летописный стиль, под стили древнерусской ораторской прозы, под былины, исторические песни и пр.?

Вопрос этот очень важен и для подтверждения подлинности «Слова о полку Игореве». Выше мы уже исключили возможность видеть в «Слове о полку Игореве» подражание «Задонщине». «Слово» не может быть подражанием «Задонщине». Всеми признаками подражательности в ее типической для древнерусской литературы форме обладает не «Слово», а «Задонщина».

Если все же попытаться «перевернуть» зависимость и, закрыв глаза на все многочисленные противоположения, признать «Слово» подражанием «Задонщине», то с точки зрения поэтики мы прежде всего вынуждены будем констатировать, что имеем дело в «Слове» с весьма странным типом подражания: с одной стороны, «Слово» мозаично и механически заимствует отдельные пассажи из «Задонщины» по типу древнерусских подражаний, но, с другой стороны, выступает не только как подражание древнерусского типа, но и как подражание стилизационное, соблюдающее органическую цельность стиля.

Итак, когда же стали в русской литературе возможны стилизации? Обратимся к концу XVIII века — ко времени, когда было найдено «Слово о полку Игореве».

Обычно скептики сопоставляют «Слово» с известной чешской подделкой XIX века — так называемой Краледворской рукописью: случай, мол, аналогичный. Это сопоставление грешит антиисторичностью. Краледворская рукопись создана совершенно в другое время — в середине первой трети XIX века, в обстановке позднего романтизма, в особых условиях борьбы чешских ученых за национальную культуру. Краледворская рукопись создана в то время, когда были представления о древнечешском языке, об исторической изменчивости стиля, литературы и т. д.

«Слово о полку Игореве» было открыто в обстановке, когда во множестве собирались и открывались и другие исторические документы, издавались памятники русской истории. Но все эти памятники ценились прежде всего как исторические источники, а не как литературные памятники. С точки зрения вкусов классицизма они не представляли собой эстетической ценности, и предромантические настроения, начавшие овладевать обществом, не успели еще многое здесь изменить. Исторические темы вошли в литературу, но они подносились читателю в антиисторическом духе патетической декламации. Эти декламации на исторические темы никогда не стилизовались под старинную или народную речь.

Хорошую характеристику разработке в литературе конца XVIII века исторической темы дает В. В. Виноградов: «Обращаясь к историческим темам, русские авторы XVIII века писали на самом деле авантюрные и философические романы, иногда с явным публицистическим уклоном

в сторону современности, в сторону тенденциозного отражения мыслей и настроений текущего политического момента (ср. «Нума», «Кадм и Гармония», «Полидор» Хераскова). „Привлекательности баснословия“ и „вымыслы“ торжествовали над историческим правдоподобием. Херасков, П. Зарьин (автор «Приключений Клеандра, храброго царевича Лакедемонского»), Пракудин (автор «Валерии»), Ф. Эмин и др., при всем различии их стилей, были одинаково далеки от стремления с помощью словесно-художественных средств — хотя бы и современной литературной речи — создать исторический, этнографический или местный колорит изображаемых событий. Попытки освещения восточнославянской богатырской старины у М. Чулкова в его „Русских сказках“ (1780) и „Славянских сказках“ («Пересмешник» — 1766 г.), а также у М. Попова в „Славянских древностях“ (1770), в „Вечерних часах, или Древних сказках славян древлянских“ В. Левшина (1787) и некоторых других сочинениях второй половины XVIII в. были также полны традиционных ситуаций и стилистических форм героических поэм и рыцарских романов эпохи классицизма». ⁴¹

Только в начале XIX века появляются исторические произведения, черпавшие сюжеты из летописей, — сюжеты, но еще не стиль!

Не могло быть в конце XVIII века и подражаний народной поэзии. В конце XVIII и в начале XIX века фольклор воспринимался как нечто принадлежащее к низшему роду искусства. Фольклорные мотивы могли быть введены в сатиру, в комедию, в дружеские и шутливые песни. Народные поговорки и пословицы использовал «Письмовник» Курганова. Фольклорный язык отождествлялся с простонародным. Однако «Слово» по своей теме относится к «высокой» литературе. Оно принадлежит к высоким жанрам в той иерархии литературных жанров, которые зафиксировал Ломоносов. В «Слове» изображены «геройство и высокие мысли». Оно могло восприниматься только как героическая поэма, как «песнь» и именно так было воспринято современниками (см. заглавие, данное «Слову» его первыми издателями: «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича»). Следовательно, обращение к народной поэзии в «Слове» было необычным и непонятым. Народность «Слова», его связь с народной поэзией до Пушкина и Максимовича совершенно не воспринималась и не могла быть поэтому и введена в него воображаемым автором XVIII века.

Как понимался фольклор в конце XVIII века, отчетливо видно по обращению к фольклору в произведениях Чулкова, Попова, Левшина. Прежде всего они вводили в литературу пословицы, новеллистические сказки, анекдоты, песни. Во всех сборниках фольклорного материала конца XVIII века фольклор был перемешан с нефольклорного происхождения произведениями. Вот что пишет, например, М. К. Азадовский о сборниках Левшина: «Материал левшинских сборников показывает, что автор их очень хорошо был знаком с устной поэзией; он, несомненно, знал подлинные народные былины, знал и сказки, но пользовался он этим совершенно своеобразно. Конечно, нет и речи о точной передаче народных памятников; Левшин свободно обращается с ними, соединяет разные сюжеты, соединяет сказку с былинной, подчиняя все в целом стилю западного рыцарского авантюрного романа. В его сказках встречаются и Василий Богуславич, и Добрыня Никитич, и Алеша Попович, и Чурила, и другие богатыри, однако, кроме имен, в них нет ничего от русского эпоса». ⁴² Иными словами, это отношение прямо противоположно

⁴¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. Гослитиздат, М., 1959, стр. 516—517.

⁴² М. Азадовский. История русской фольклористики. Учпедгиз, М., 1958, стр. 67.

отношению к фольклору «Слова о полку Игореве», где нет фольклорных имен, но есть тонкое понимание стиля фольклора как возвышенного, где есть фольклорные образы, эпитеты, метафоры, отрицательный параллелизм, фольклорное отношение к природе — одним словом, все то, что было открыто в фольклоре через несколько десятилетий.

Характерно, что даже ранний Пушкин в своих первых произведениях недалеко ушел от этого левшинского понимания фольклора. Именно к Левшину обратился Пушкин, когда задумал свою первую поэму «Руслан и Людмила».⁴³

Настороженное отношение к фольклору было особенно характерно для просветителей XVIII века, для писателей, находившихся на прогрессивных позициях. М. К. Азадовский пишет: «Произведения народного творчества в их (просветителей, — Д. Л.) представлении неразрывно связаны с народным суеверием, народными предрассудками; борьба с последними включала поэтому в свою орбиту народное творчество целиком. Борьба за прогресс и культуру кажется несовместимой с пристрастием к тому, что так или иначе органически связано с некультурными массами. Народные песни, сказки, обряды в глазах просветителей являлись проявлениями народного бескультурья и невежества, а потому вызывали отрицательное или, во всяком случае, холодное отношение. Такое понимание характерно не только для русского просветительства; оно характерно для всего рационалистического просветительства в целом. У нас такие воззрения в той или иной степени разделяли Татищев, Болтин, Державин, Фонвизин, отчасти Ломоносов, Батюшков и многие другие вплоть до позднейших западников и радикалов...»⁴⁴

Вот почему народно-песенные основы «Слова» были совершенно не поняты ни его первыми издателями, ни первыми исследователями. Первыми, кто оценил, увидел и открыл народно-поэтические элементы «Слова», были Пушкин (и то только в 30-е годы XIX века) и М. А. Максимович. Но и они обратили внимание далеко не на все народно-поэтические элементы «Слова».

В «Слове» нашли то, чего в нем не было, — оссианизм, указав на такие элементы этого якобы «оссианизма», которые впоследствии все обнаружилось в открытой в 1852 году «Задонщине» (элегический тон, слезы одного из героев-князей, вещая птица — «див», зловещие приметы и пр.). Это и понятно: открыть можно знакомое, но нельзя открыть то, что еще никем в те времена не замечалось и для обнаружения чего не было достаточно оснований.

Итак, «Задонщина» представляет собой вполне типичное для конца XIV — начала XV века подражание произведению эпохи независимости Руси. Оно относится к периоду, когда русская литература начинала медленно возрождаться после застоя, вызванного полуторавековым чужеземным игом. Произведения этого времени обращаются как к своим образцам к лучшим памятникам эпохи расцвета и независимости Руси. Но это обращение своеобразно: из старых произведений извлекаются образы, обороты речи, формулы, которые затем инкрустируются в сочинения, посвященные современности. Так поступали средневековые строители, извлекавшие детали античных зданий из руин, чтобы украсить ими собственные постройки. При этом чувство старого стиля отсутствовало, и поэтому возникали диспропорции и смешения стилей.

⁴³ В. В. Сидовский. «Руслан и Людмила» (к литературной истории поэмы). В кн.: Пушкин и его современники, вып. IV. СПб., 1906.

⁴⁴ М. Азадовский. История русской фольклористики, стр. 80—81.

Если бы даже до нас не дошло «Слово о полку Игореве», мы должны были бы предположить о его существовании, анализируя стилистический строй «Задонщины».

Теперь предположим на мгновение, что не «Задонщина» подражала «Слову», но «Слово» — подражание «Задонщине». В таком случае оно явилось бы подражанием стилизационным, возникшим в эпоху, которая не знала стилизаций древнерусских памятников и народных произведений. Но это стилизационное подражание должно было бы к тому же обладать качествами, которыми не обладает ни одно из известных стилизационных подражаний вообще. Оно подражает не литературному произведению, а только одному из пластов его стиля. Автор «Слова», живи он в XVIII веке, должен был бы исключить из своего подражания слой деловой прозы и целиком переработать слой народно-поэтический. Это был бы самый сложный тип стилизации, созданный при этом в эпоху, не знавшую стилизации под старину.

Сложность стилизационной работы мнимого автора XVIII века усугублялась еще и тем, что он должен был бы бережно сохранить в своем произведении *весь* текст «Задонщины», связанный с тем стилистическим слоем, которому он подражал. Заимствуя текст этого слоя, он мало нарушал его словесную форму, но искусно развивал свои механические заимствования, присоединяя к ним однородные в стилистическом отношении куски текста, прочно сливая их в единый, однородный стилистический монолит.

Мало этого, он должен был, не выбрасывая из «Задонщины» ни одного стилистически близкого к нему куска текста, так применить их к событиям «Слова», чтобы создать правильную хронологическую последовательность, исправив все непоследовательности «Задонщины». Он должен был, бережно сохраняя текст «Задонщины», избавиться от всех ее несообразностей, географических и исторических неточностей. Он должен был избавиться от многочисленных повторений «Задонщины». И проведя такую работу, он должен был органически слить стиль заимствований из «Задонщины» с народно-поэтическими элементами своего произведения.

Ясно, что такого рода стилизационная работа совершенно невозможна не только для конца XVIII века, не знающего еще стилизаций, но и когда бы то ни было вообще.

